

Г. В. Синило

Десять Заповедей и их значение для духовного развития человечества

Десять Заповедей – предельно знакомое каждому человеку словосочетание. Именно они до сих пор составляют аксиологический фундамент монотеистического мира. Именно они, согласно Библии, прозвучали из уст Самого Господа в момент Синайского Откровения. Именно они были начертаны перстом Божиим на двух сапфировых Скрижалях, а затем, когда драгоценные Скрижали были в гневе и отчаянии разбиты пророком Моисеем, – на двух Скрижалях из простого камня. Именно для них был сооружен Ковчег Завета, который левиты пронесли на своих плечах все сорок лет блуждания народа Израиля по пустыне. Именно их повторит и прокомментирует пророк Моисей перед смертью своему народу. Именно их будет толковать Иисус Христос в Нагорной проповеди и повторять в ответ на вопрос, как войти в жизнь вечную. *Скрижали* как символ самого заветного, высшей духовности начинаются с весьма конкретного текста, начертанного на вполне реальных каменных таблицах, или досках (в оригинале – *лухот*). Стоит еще раз вслушаться и всмотреться в момент Синайского Откровения и в предельно лаконичный, но столь важный для понимания Библии и ее открытий текст Десяти Заповедей.

Согласно Книге Исхода, Десять Заповедей даются народу Израиля (а через него – всему человечеству) в Синайской пустыне, на пятидесятый день после Исхода из рабст-

ва Египетского. Уже в самых древних толкованиях пустыня, через которую пророк Моисей ведет свой народ, осмысливается как образ непросветленной тьмы плотских страстей, которые должен изжить в себе человек. Вероятно, есть великий смысл в том, что Десять Заповедей, равно как и другие заповеди и законы Торы, будут даны народу не в самом Египте, но в пустыне, хотя она по-прежнему – пустыня духовной нищеты. Но принять Заповеди могут люди, обладающие хотя бы внешней свободой. Только тогда они смогут осознанно их выполнять, а через осознанное выполнение Заповедей – прийти к истинной свободе. Как пишет С. С. Аверинцев, «только тому, кто вышел – только духовно или духовно и физически, через борьбу с насилием извне или со своим же своеволием – из “дома рабства”, только ему можно дать заповедь. Ибо в “доме рабства” для заповеди Божьей места нет: там жизнь человека регулируется совсем другими законами. Такова самая суть “дома рабства”, его логическое определение. ...У каждого из нас должен быть как бы надел внешней свободы, чтобы на пространстве этой свободы исполнять заповеди. Как сказал Честертон, “раз есть заповеди Бога, должны быть права человека”»¹.

Итак, через семь сакральных сроков – семь седмиц (т. е. через сорок девять дней после первого дня Исхода²) – народ, ведомый Моисеем и Аароном, подошел к подножью Синая – одной из гор Хоревского (Хоривского) хребта³. Те,

¹ Аверинцев, С. С. «*Боже! Ты – Бог мой!*» / С. С. Аверинцев // Литературная газета. 1991. № 2. С. 14.

² Отсюда и один из важнейших праздников в иудейской традиции – *Шавуот* (букв. «Седмицы») – праздник дарования Торы, празднуемый на пятидесятый день после праздника Песах (Пасхи). В христианской традиции это событие именуется Пятидесятницей, но большего значения не имеет, ибо переосмысливается как праздник сошествия Духа Святого на апостолов, собравшихся в Иерусалиме на празднование праздника Шавуот (*Деян. 2:1–21*); христианская Пятидесятница именуется также праздником Троицы, ибо сошествие Духа Святого в виде языков огня – знак Троицыного Бога.

³ Какая из гор Хоривского хребта отождествлялась с библейским Синаем, наукой до сих пор точно не установлено. Согласно иудей-

кто бывал в этих местах, говорят, что они производят впечатление чего-то необычного, таинственного, мистического. Так, известный французский востоковед и писатель XIX в. Э. Ренан писал: «Синайская гора, состоящая из глыбы темного гранита, которую уже много веков купает в своих золотых лучах солнце, есть одно из самых своеобразных явлений земного шара. Это законченный пейзаж безводного мира, какой мы себе представляем на Луне или другой планете, лишенной атмосферы. Правда, на вершинах Синая часто скопляются страшные грозовые тучи, но гроза, вообще благодатная, здесь внушает только ужас... Из всех элементов природы здесь есть только камень, изборожденный жилами руды, порой сияющий на солнце своей алмазной поверхностью, но всегда враждебный жизни и ее влияниям. Тишина этих уединенных мест наводит ужас; слово, произнесенное тихо, рождает странные отголоски; путника смущает звук его собственных шагов; эта гора, с ее неуловимыми очертаниями, с ее обманчивой прозрачностью, ее странными отсветами, поистине гора Элогима»¹.

Здесь, у священной горы², Моисей приказал разбить лагерь и ждать, что возвестит ему Господь, а сам восходит на Гору Божью. «И Моше взошел к Богу, и воззвал к нему Господь с горы...» (*Исх. 19:3; здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод наш. – Г. С.*). Эта фраза производит странное впечатление: пророк уже поднялся на гору, но, оказывается, Бог по-прежнему взывает к нему с горы. Вероятно, это можно объяснить следующим образом: человеку для встречи со Всевышним нужно свершить духовное восхождение даже в том случае, если этот человек

ской традиции, это место таинственно сокрыто самим Господом. Христианская традиция более определенно указывает на одну из вершин, которую мусульмане именуют Джабал Муса – Гора Мусы, т. е. Моисея (с этим соглашается и часть исследователей).

¹ Ренан, Э. *История Израильского народа*: в 2 т. / Э. Ренан. СПб., 1908. Т. 1. С. 87.

² Вероятно, Синай почитался как священное место у ханаанейских и месопотамских племен еще в глубокой древности: этимологически это название связано с именем шумеро-аккадского бога Сина.

уже призван Им к пророческому служению; однако даже если человек взошел на определенную духовную высоту, он никогда не сможет достичь высоты Бога, ибо восхождение к Нему бесконечно.

Вернувшись с Синая, Моисей сообщает народу ошеломляющую весть: Господь для того освободил его и привел к Себе, чтобы заключить с ним Вечный Союз (Завет). Если народ будет хранить верность Господу, то Он берет на Себя особую заботу о Своем народе, но одновременно возлагает на него особую духовную миссию: с этого времени Израиль станет избранным народом Господа. Это было нечто абсолютно новое и неслыханное, ибо в сознании древних народов человек был слишком слаб и незначителен, чтобы заключать союз с богами или чтобы боги сохраняли верность ему, да и сама верность была излишней в мире многобожия, где нужно умиловать как можно большее количество богов. Здесь же Господь говорит: «Вы видели, что сделал Я египтянам; вас же носил Я на орлиных крыльях и принес вас к Себе. // Так вот, если вы будете слушаться голоса Моего и хранить Союз Мой, то будете Моим уделом [сокровищем, драгоценностью] из всех народов, ибо Моя вся земля; // А вы будете у Меня царством священников и народом святым» (*Исх. 19:4–6*).

Эти слова Бога и передает Моисей народу, и люди с трепетом слушают пророка. С какой воистину отцовской заботой и нежностью Господь говорит: «...вас... носил Я на орлиных крыльях...». Согласно народным преданиям, орел носит своих птенцов на крыльях, защищая от врагов, а потом, когда они учатся летать, поддерживает своими крыльями их еще слабые крылья. Вот почему эта поэтическая метафора является столь емкой для описания взаимоотношений между Богом и избранным Им народом. Не случайно и далее, в Книге Второзакония, Моисей скажет об отношении Всевышнего к народу Израиля: «Как орел стережет гнездо свое, парит над птенцами своими, простирает крылья свои, берет каждого, носит на крыле своем, // Господь один водил его...» (*Втор. 32:11–12*). Очень важно также, что, по словам Всевышнего, Он «принес» народ «к

Себе»: тем самым подчеркивается, что главная цель освобождения из «дома рабства» – приход к Богу, к Его глубинному постижению и осознанию своего собственного предназначения. И это предназначение сформулировано Богом необычно: народ Израиля должен стать особым «сокровищем» (*сгула*) в Его владениях, а эти владения – весь мир, вся земля, все народы; и выявится эта особая избранность народа Израиля в том, что он станет «царством священников» (*мамлахет коѓаним*) и «народом святым» (*гой кадош*).

В словах Бога, переданных через пророка народу Израиля, сформулирована одна из центральных идей Торы, всего Танаха и – шире – еврейской религиозной традиции в целом – идея избранного народа (*ам сгула*). Избранность осознается не как биологическое (расовое) превосходство – идея, абсолютно неприемлемая для мира Библии, – но как высокая и чрезвычайно трудная духовная миссия: быть образцом морального совершенства и верности Богу, хранить свет Единобожия и нести его другим народам. Современный еврейский комментатор, рабби Й. Герц, опираясь на традиционный комментарий, пишет: «Всевышний – Творец всего сущего. Народ Израиля избран, чтобы быть светом для всех народов и благословением для всего человечества. Избранность еврейского народа не связана с установлением власти, получением почета и привилегий, она обязывает самоотверженно, вплоть до самопожертвования, служить Всевышнему»¹. Важно, что избрание народа Израиля не мотивируется в Торе никакими заслугами или отличительными качествами этого народа, но объясняется только доверием и любовью к нему Бога, а также с памятью о преданности и любви к Нему праотцев еврейского народа и о данном им Обетовании: «Ибо народ ты святой у Господа, Бога твоего; тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы быть Ему избранным народом из всех народов, которые на

¹ Герц, Й. *Комментарий* / Й. Герц // *Пятикнижие и Гафтарот*: иврит. текст с рус. пер. и классич. комментарием «Сончино». М.: Иерусалим, 1999. С. 386.

лице земли. // Не по многочисленности вашей из всех народов пожелал вас Господь и избрал вас, ибо вы самый малочисленный из всех народов, // Но из-за любви Господа к вам и ради исполнения Им клятвы, которой клялся Он отцам вашим...» (*Втор. 7:6–8*); «Вот, у Господа, Бога твоего, небеса и небеса небес, земля и все, что на ней; // Но только отцов твоих захотел принять Господь и полюбил их, и избрал вас, семя их после них, из всех народов...» (*Втор. 10:14–15*; ср. также *Втор. 14:2*; *32:8–9*; *1 Цар. 8:53*). Позже законоучители Талмуда высказали мнение, что Бог избрал потомков Авраама еще и за их верность Ему в страданиях (*Беца 32б*; *Йевамот 79а*). Они также отметили, что Израиль был избран за свою готовность принять Тору со всеми ее многочисленными заповедями – в отличие от других народов, которым Всевышний также предлагал Тору, но они, испугавшись такого количества обязанностей и такой ответственности, отказались (*Авода Зара 2б–3а*; *Бемидбар Рабба 14:10* и др.). Уже в тексте Торы подчеркивается, что избрание, как и приятие Торы, – акт добровольный со стороны народа Израиля, ибо сказано: «Если вы будете слушаться голоса Моего и хранить Союз Мой...» Само это «если» предусматривает свободный выбор. Далее в Книге Иисуса Навина говорится, что не только Бог избрал Израиля, но и Израиль избрал себе Бога: «Йеѓошуа сказал народу: “Вы – свидетели о себе, что вы избрали себе Господа – служить Ему?” Они отвечали: “Свидетели”» (*Иис. Нав. 24:22*).

Важно, что избранность с самого начала связывается в Библии с величайшей ответственностью перед Богом и историей, с особенно пристальным вниманием Всевышнего к духовно-нравственному состоянию народа. Бог, открывшийся еврейскому народу и открытый сознанием народа (безусловно, это процесс обоюдный), чрезвычайно много требует от Своих избранников: «...вы будете у Меня царством священников и народом святым» (*Исх. 19:6*). Это, безусловно, самое высокое из требований, когда-либо предъявлявшихся человеческому сообществу, и есть, собственно говоря, пояснение, чем оборачивается избранность: она

требует, чтобы каждый из народа поднялся до уровня священника, а весь народ стал народом святым. Об этом напоминает и пророк Исаия (точнее, неизвестный пророк, продолживший его дело и написавший финальные главы его книги): «А вы священниками Господа названы будете, служителями Бога нашего – сказано будет о вас...» (*Ис. 61:6*). Комментируя выражение «царство священников», рабби Й. Герц подчеркивает, что это «царство, все жители которого – священники Всевышнего, живущие служением Богу и ощущающие постоянную радость от права и возможности предстать пред Ним. Обязанность священника – приближение человека ко Всевышнему. Так и Израиль призван приблизить все народы к Творцу, его миссия – построение царства высокой духовности»¹.

...А тем временем пророк Моисей, вновь поднявшись на вершину Синая, передал Всевышнему слова народа, сказанные в единодушном порыве и свидетельствующие о его величайшей готовности добровольно заключить Союз с Богом: «Все, что сказал Господь, исполним» (*Исх. 19:8*). Несомненно, момент заключения Завета со всем народом – кульминация не только Книги Исхода, но и всего Пятикнижия: через заключение Завета, через осознанное принятие заповедей и происходит «рождение народа как сакральной общности» (С. С. Аверинцев). Как заметил В. С. Соловьев, «Союзный Договор, или Завет, Бога с Израилем составляет средоточие еврейской религии»².

Особая важность момента заключения Завета подчеркнута тем, что весь народ слышит Голос Бога, как и обещал Господь Моисею: «...дабы слышал народ, как Я буду говорить с тобою, и поверил тебе навсегда» (*Исх. 19:9; Синодальный перевод; далее – СП*). Никогда впредь народ не будет слышать Глас Божий, а будет общаться с Господом через пророков. Бог велит Моисею особо подготовить народ – и духовно, и физически – к тому моменту, когда

¹ Герц, Й. *Комментарий*. С. 386.

² Соловьев, В. С. *История и будущее теократии* / В. С. Соловьев // Он же. *Сочинения*. СПб., 1914. Т. 4. С. 435.

«сойдет Господь перед глазами всего народа на гору Синай» (*Исх. 19:11; СП*). Спустившись с Синая, пророк велит людям особым образом готовиться к главной в их жизни встрече – встрече с Богом. Они должны омыться, очиститься, вымыть свою одежду и облачиться в чистое. Безусловно, это не только и не столько гигиеническая, сколько сакральная процедура, символизирующая очищение от грехов, подготовку тела и души к важнейшему событию в жизни. Моисей также указывает мужчинам на необходимость воздержания в канун этого чрезвычайного события: они не должны прикасаться к женам, преодолеть плотские инстинкты, ибо необходимо достичь предельной концентрации духа. Кроме того, Бог велит провести вокруг подножья горы границу, которую нельзя переходить людям, ибо, если они дотронутся до горы в момент Откровения, то погибнут: «...остерегайтесь восходить на гору и прикасаться к подошве ее; всякий, кто дотронется до горы, должен умереть...» (*Исх. 19:12*). Смысл этого запрета заключается в том, что чрезвычайная близость Бога и тайн духовного мира (а именно это символизирует гора Синай, как и самоё духовную связь между Богом и человеком) может стать опасной для людей, еще не совсем подготовленных к духовному восхождению, к соприкосновению с величайшей Тайной. Гора Божья – святыня, к которой нельзя прикасаться непосвященным.

И вот наступает день, когда Господь открывается всему народу (согласно традиции, это произошло 6 сивана). Теофания на Синае описана как событие космического масштаба, заставляющее содрогаться горы и трепетать души людей. Внешне это напоминает очень сильную грозу, хотя грозы, как отмечают исследователи, весьма редко случаются в этих местах, а если случаются – то ночью. Здесь же речь идет о наступлении утра. В грозном приближении Тайны Божьей, как это описывает Тора, есть нечто и от землетрясения, и даже от извержения вулкана. Одно понятно: происходит нечто необычайное, потрясающее души людей: «И вот, на третий день, при наступлении утра, были громы, и молнии, и облако густое на горе, и звук шофара

очень сильный; и вострепетал народ, находившийся в стане. // И вывел Моше народ навстречу Богу из стана, и стали возле подножья горы. // А гора Синай дымилась вся от того, что сошел на нее Господь в огне, и восходил от нее дым, как дым от печи, и сотрясалась вся гора чрезвычайно. // И звук шофара становился сильнее и сильнее» (*Исх. 19:16–19*).

По словам Й. Герца, «возле горы Синай звуком шофара было возвещено начало новой эры: приход Царства Всевышнего»¹. Как отмечает комментаторская традиция, Моисей вывел народ и разместил около подножья Горы Божьей в определенном иерархическом порядке, согласно которому он размещался и в стане, в соответствии с коленами, родами, семьями. По этому поводу Д. В. Щедровицкий замечает: «Для того чтобы сохранить духовное в материальном, дух в теле, требуется гармония, строение, закон, лад и ритм. И только такое расположение стана, такой порядок предохраняют его от хаотических порывов, придают ему устойчивость для достойной встречи с Богом. Моисей сделал все, чтобы люди благоговейно встретили Бога и в то же время остались в живых»². Действительно, как свидетельствует текст, люди настолько почувствовали важность момента и близость Бога, что душа каждого из них – частица Духа Божьего – рванулась навстречу великому Источнику Жизни, стремясь слиться с ним, а это небезопасно для их земного существования. Люди, стоявшие у подножья Синая, вступают в некую сверхреальность или находятся на грани мира вещественного и духовного. Может быть, именно поэтому все реальное теряет четкие очертания, начинает колебаться, окутывается дымом. Особого толкования требует выражение «сошел Господь». Оно ни в коем случае не означает, что Господь физически присутствует на этой горе, ибо Он не может быть локализован ни в какой

¹ Герц, Й. *Комментарий*. С. 389.

² Щедровицкий, Д. В. *Введение в Ветхий Завет*: в 8 т. Т. 1–3. Пятикнижие Моисеево. 2-е изд., испр. и доп. / Д. В. Щедровицкий. М., 2001. С. 295.

точке природного пространства. Он – вездесущий Дух, Его слава наполняет весь мир. «Схождение» Бога на Синай в момент Синайского Откровения означает только то, что именно сейчас, в этой точке пространства, для этих людей, Он наиболее полно открывает Свое Присутствие, максимально приближается к их душам. Гора же становится мировой осью (*axis mundi*), соединяющей земной и небесный миры, подобной лестнице в небо, которую увидел некогда патриарх Иаков. Только теперь эта лестница, эта мировая гора соединяет всех потомков Иакова – народ Израиля, стоящий у подножья Синая, – и Всевышнего, Который «сходит» на его вершину.

«И звук шофара становился все сильнее и сильнее. Моше говорил, и Бог отвечал ему голосом. // И сошел Господь на гору Синай, на вершину горы, и воззвал Господь Моше на вершину горы, и вошл Моше» (*Исх. 19–20*). Господь еще раз повелевает пороку, чтобы он предостерег народ не действовать по своему разумению, не стремиться взойти на гору. И даже те, кто станет священниками, должны еще подготовиться духовно, освятиться, чтобы встретиться с Богом. Теперь же Моисей должен спуститься, чтобы быть с народом в тот ответственный момент, когда для всех прозвучит голос Божий. Спустившись вниз, Моисей пересказывает народу все слова Господа и готовит народ к восприятию самого главного, что произнесет Всевышний, – Десяти Заповедей, которые будут начертаны перстом Самого Бога на Скрижалях Завета – двух каменных таблицах – и дарованы через пророка всему народу Израиля, а через него – всему человечеству.

В оригинальном тексте Десять Заповедей именуются *Асерет га-Дварим* – буквально «Десять Слов», или «Десять Глаголов (Речений)»; отсюда греческая калька – *Декалог*, принятая в западном обиходе, а от нее – славянская калька *Десятословие*, или *Десятисловие*. В талмудической литературе употребляется название *Асерет га-Диброт* – «Десять Речений» (*Шаббат 86б* и др.), закрепившееся в иудейской традиции. Этот короткий текст, помещенный в 20-й главе Книги Исхода (*Исх. 20:1–17*), является, несомненно,

один из важнейших фрагментов Торы, Танаха и Библии вообще. Десять Заповедей – главное условие Завета между Богом и Его народом, между Богом и всеми людьми. До сих пор простые и вечные Глаголы, выбитые на Скрижалях, являются основой общечеловеческой нравственности.

Как отмечает И. Р. Тантлевский, Десять Заповедей представляют собой «древнейший слой библейских религиозно-теологических установлений и морально-правовых норм»¹. Известный израильский библеист Моше Вайнфельд, автор оригинального метода анализа Библии и цивилизаций Древнего Ближнего Востока, пишет: «В качестве основополагающего требования Бога Израиля к общине Израиля Десять Речений были на устах каждого израильянина, преданного своему наследию; они стали центральным элементом наследия в Израиле, и не стоит удивляться, что из всех законов только этот список повелений воспринимался как основополагающий и первичный в установлении связи между Богом и Израиле. Только Десять Речений удостоились сыны Израиля услышать прямо из уст Бога, поэтому именно они являются свидетельством связи между Израилем и его Богом»². Рабби Й. Герц подчеркивает: «Десять Заповедей имеют особое значение как благодаря своему содержанию, так и тому, что их раскрытие явилось моментом наиболее сильного проявления Божественного Присутствия для всего народа. Когда гремел гром, сверкали молнии и звучал шофар, когда гора Синай превратилась в столб дыма, голос Всевышнего произнес слова, ставшие с того дня путеводной звездой для всего человечества. Это проявление Всевышнего стало наиболее значительным событием во всей истории человечества. В этот момент родилась религия духа, которая на протяжении всех последующих времен давала свет душам и направляла жизненный путь всех людей на земле. Этот текст не имеет себе равных

¹ Тантлевский, И. Р. *Введение в Пятикнижие* / И. Р. Тантлевский. М., 2000. С. 208.

² Вайнфельд, М. *Уникальность Декалога и его место в еврейской традиции* / М. Вайнфельд // *Библейские исследования* / сост. проф. Б. Шварца; пер. с иврита и англ. М., 1997. С. 357.

по простоте изложения и концентрации заключенных в нем мыслей и идей. Этот текст не имеет себе равных по простоте изложения и концентрации заключенных в нем мыслей и идей. Он содержит рассказ о Творце и не устареет до тех пор, пока существует мир. В то же время этот текст является предельно кратким изложением фундаментальных принципов, и мудрецы Торы видели в нем источник, из которого проистекают все заповеди, основы морали и учение Торы как таковое»¹.

Десять Заповедей фигурируют в тексте Торы дважды: в непосредственном описании момента Синайского Откровения, а потом – в рассказе Моисея в Книге Второзакония (*Втор. 5:6–18*). При этом две версии совпадают практически дословно, но все же содержат в себе и некоторые расхождения, поэтому их интересно сопоставить. К тому же необходимо помнить следующее: при том что, как известно, Заповедей на Скрижалях – десять, ни один из двух фрагментов с их перечислением не дает никакой их нумерации. В связи с этим возникли различные мнения по поводу того, как нужно членить текст Деалога – и в традиции иудейской (хотя одна версия стала общепринятой), и в различных конфессиях христианства.

Приведем версию Десяти Заповедей в Книге Исхода с традиционной иудейской разбивкой текста на отдельные Заповеди (нумерация Заповедей здесь не совпадает с нумерацией стихов):

«(1). Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства. // (2). Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим [сверх Меня, кроме Меня]. // Не делай себе идола [кумира] и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. // Не поклоняйся им и не служи им, бо Я Господь, Бог твой, Бог-Ревнитель, Который карает за вину отцов детей до третьего и четвертого родов ненавидящих Меня, // И Который творит милость до тысячных родов любящих Меня и исполняющих Заповеди Мои. // (3). Не

¹ Герц, Й. *Комментарий*. С. 390.

произноси Имя Господа, Бога твоего, напрасно [всуе, в суете], ибо не пощадит Господь того, кто произносит имя Его напрасно. // (4). Помни День Субботний, чтобы освящать [святить, отделять] его. // Шесть дней работай и делай всякую работу твою; // А День Седьмой – Суббота – Господу, Богу твоему: не делай никакой работы ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец твой, который в воротах твоих. // Ибо в шесть дней создал Господь небеса и землю, море и все, что в них, и отдыхал в День Седьмой. Поэтому благословил Господь День Субботний и освятил его. // (5). Почитай отца своего и мать свою, чтобы продолжились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. // (6). Не убивай. // (7). Не прелюбодействуй. // (8). Не кради. // (9). Не отзывайся о ближнем твоим свидетельством лживым. // (10). Не желай дома ближнего твоего. // Не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни быка его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20:2–17).

В версии, представленной в Книге Второзакония, несколько отличаются формулировки Четвертой и Пятой Заповедей: «(4). Храни [соблюдай] День Субботний, чтобы освящать [святить, отделять] его, как заповедал тебе Господь, Бог твой. // Шесть дней работай и делай всю работу твою, // А день Седьмой – Суббота – Господу, Богу твоему. Не делай никакой работы ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни бык твой, ни всякая скотина твоя, ни пришелец твой, который в воротах твоих, чтобы отдохнул раб твой и рабыня твоя, как ты. // И помни, что рабом был ты в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукой мощной и мышцей простертой, потому и заповедал тебе Господь, Бог твой, установить День Субботний. // (5). Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои и чтобы хорошо было тебе на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе» (Втор. 5:12–16).

Таким образом, одно из отличий двух версий заключается в том, что Заповедь о Субботе получает в первой из них прежде всего богословское обоснование, во второй –

национально-историческое и социальное; первая версия апеллирует к началу всего мира и человечества, вторая – к началу избранного народа, получившего этот статус только после Исхода из рабства и Синайского Откровения; первая версия напоминает о том, что во всех делах человек должен опираться на высочайший образец, заданный Самим Богом при сотворении мира, вторая – о Его же величайшей милости как Избавителя от рабства и смерти, поэтому и Суббота стала знаком свободы, поэтому и к рабам, и даже к животным нужно относиться с милосердием, давать и себе, и им день отдыха и свободы. Однако мудрецы Талмуда, согласившись с тем, что обе формулировки Заповеди о Субботе исходят от Бога, обратили большее внимание на отличие начальных слов – «помни» и «храни» («соблюдай», «исполняй») – и вынесли постановление: оба эти слова были произнесены Всевышним единым Речением (*бе-Диббур эхад*) и специально разделены для людей, чтобы они знали, что нужно не только изучать и помнить, но и неизменно осуществлять Заповедь на деле (это касается не только Заповеди о Субботе, но и всех заповедей Торы). Еще одно толкование мудрецов Талмуда касается отсутствия в первой версии Заповеди о почитании родителей выражения «и чтобы хорошо было тебе». По их мысли, эти слова не были внесены в текст на первоначальных Скрижалях, ибо Бог знал, что им суждено быть разбитыми (*Бава Камма 55a*). По мнению традиции, первая версия была записана на первой паре Скрижалей, вторая – на второй. Выдающийся еврейский поэт и экзегет Авраам Ибн Эзра (XII в.) в своем подробном комментарии к Книге Исхода выдвигает абсолютно рационалистическое обоснование отличий двух версий Десяти Заповедей: подобные языковые расхождения в деталях часто встречаются в тех местах Писания, которые повторяют друг друга. В XX в. У. Кассуто выдвинул вполне рационалистически и психологически обоснованную гипотезу: все расхождения в двух версиях вытекают из того простого факта, что в Книге Второзакония зафиксирован пересказ пророком Моисеем услышанного сорок лет назад, отсюда и неизбежные отличия в ню-

ансах. В целом же библеистика объясняет расхождения различными периодами окончательной редакции Книги Исхода и Книги Второзакония, хотя по-прежнему существуют споры и противоречия в датировке этих периодов.

Существует также третья версия Десяти Заповедей – в самаритянской Горе, где Первая Заповедь (согласно иудейской разбивке) – «Я, Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» – не включена в Декалог, а Десятой Заповедью считается содержащееся в самаритянском Пятикнижии предписание обнародовать Десять Заповедей на священной для самаритян горе Гаризим. Версия Десяти Заповедей, идентичная варианту Книги Исхода, находится в написанном на иврите «Папирусе Нэша», или «Папирусе Нэш» (ок. II в. до н. э.), найденном в Египте в 1902 г. востоковедом У. Л. Нэшем и опубликованном гебраистом С. А. Куком в 1903 г. До открытия Кумранских рукописей в 1947 г., а затем обнаружения в 1970-х годах в Иерусалиме двух маленьких серебряных цилиндров-амулетов с так называемым Священническим благословением (*Числ. 6:24–26*), датированных примерно 600 г. до н. э., «Папирус Нэш» был самым древним из найденных археологами фрагментов библейского текста. Это и позволило А. Меню в свое время написать: «Есть что-то глубоко символическое в том, что самый древний отрывок Ветхого Завета, сохранившийся до наших дней, – это “Папирус Нэш”, содержащий именно Десять Заповедей Моисеевых...»¹ Есть, однако, и понятная закономерность в том, что на «Папирусе Нэш» сохранились именно Десять Заповедей и тесно связанная с ними молитва *Шма Йисраэль* («Слушай, Израиль!» – *Втор. 6:4–9*), ибо они уже в древности играли большую роль в еврейской литургии. Пергамент с Десятью Заповедями, помещенный в тфиллин², был

¹ Меню, А. *История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни*: в 7 т. / А. Меню. М., 1991–1992. Т. 2. *Магизм и Единобожие*. С. 227.

² *Тфиллин* (от иврит. *тфилла* – «молитва») – специальные молитвенные принадлежности из кожи (кожаные коробочки, в которые помещены маленькие пергаментные фрагменты Торы), крепящиеся над

обнаружен среди Кумранских свитков в 1968 г. выдающимся израильским историком и археологом И. Йадином (эта версия, близкая к тексту Книги Второзакония, датируется I в. до н. э.).

Как уже отмечалось, существуют различные варианты разбивки текста Декалога на отдельные Заповеди, ибо в самых древних рукописях Масоры, в Септуагинте, в названных выше «Папирусе Нэша» и кумранском фрагменте нет никакой точной разбивки и нумерации, равно как и в современных изданиях Танаха и христианской Библии. Нумерация Заповедей отличается в иудаизме и христианстве, а также в различных христианских конфессиях. Однако и в самой иудейской традиции, несмотря на наличие общепринятой версии, существовали расхождения во мнениях различных законоучителей на этот счет. Так, некоторые полагали, что Первой Заповедью являются первые пять стихов, в которых слова Бога даны от первого лица (*Исх. 20:2–6; Втор. 5:6–10*) и имеют общий смысл – установление Единобожия и запрет идолопоклонства. При этом первый стих трактуется как введение к более широкому тексту данной Заповеди, а ради сохранения числа «десять» на две Заповеди разделяется стих, запрещающий вождление ко всему, что есть у ближнего (*Исх. 20:14; Втор. 5:18*). Другие включают в Первую Заповедь только первый стих и предписание, запрещающее многобожие (*Исх. 20:2–3; Втор. 5:6–7*), Второй Заповедью считают запрет всяческих изображений (*Исх. 20:4–6; Втор. 5:8–10*), Третьей – запрет упоминания Имени Господа напрасно и т. д. Римско-католическая и протестантско-лютеровская традиции идентичны первой из обозначенных периферийных иудейских разбивок, а греко-православная и протестантско-реформатская (кальвинистская) традиции – второй.

Так или иначе, но Декалог представляет собой единое семантическое целое, текст повышенной важности, что подчеркивается и тем, что он дан отдельно на Скрижалях,

глазами и на левой руке специальными ремешками перед молитвой; греч. обозначение – *филактерии*.

и его особой формой: это очень сильно ритмизованная проза, приближающаяся к стихам. Единство текста подчеркнуто также своего рода преамбулой: «И сказал [изрек] Бог все слова эти, говоря [сказав]...» (Исх. 20:1). Комментаторы отмечают, что сама конструкция «сказал, говоря», которая кажется тавтологичной, употребляется тогда, когда речь идет о чем-то чрезвычайно важном, дающимся навечно. Вводная фраза подчеркивает, что *все* Десять Заповедей произнесены именно Богом, без всяких посредников, и потому они особенно важны, их *все* должен выполнять человек, если он хочет быть верным Завету с Господом. Десять Заповедей представляют собой единое целое, поэтому, нарушая одну из них, мы тем самым нарушаем их все. При этом текст имеет определенную внутреннюю структуру, разделяясь по смыслу на две половины: первые пять Заповедей определяют взаимоотношения между Богом и человеком, пять остальных – взаимоотношения людей, обязанности человека по отношению к ближнему. Согласно иудейской традиции, именно так Десять Заповедей и были записаны на Скрижалях: первые пять – на первой Скрижали, остальные пять – на второй. При этом между ними устанавливается определенное соответствие: Первой Заповеди соответствует по смыслу Шестая, Второй – Седьмая и т. д.

Знаменательно, что Господь начинает Свою речь с личного местоимения и личного Имени – того самого таинственного, а потому запретного для произношения Имени, которое было открыто Моисею в момент его пророческого призвания. Важно также, что Бог, обращаясь к большому количеству людей, говорит: «Бог твой». Это сразу включает интонацию особого доверия, подчеркивает, что Бог обращается не просто к массе, к толпе, но к *каждому*, кто принимает Заповеди, к *каждому*, кто читает и исполняет их. Божественное *Я*, обращающееся к человеческому *ты*, служит напоминанием о личностном характере Заповедей и о том, что отношения между Богом и человеком базируются на диалоге, на теснейшей духовной связи, на любви. Комментируя Первую Заповедь, С. С. Аверинцев пишет:

«Вот с чего все начинается – с личного местоимения, с личного имени. Заповедь – не арифметическая формула, безразличная к лицам. Даже не параграф уложения. Заповедь дается от Лица – к лицу: от Друга – к другу, от Отца – к детям. В нашем земном опыте ее непреложность можно сравнить разве что с жаром родительского завета, данного на смертном одре. Кто может давать заповедь? Не “Высшее Существо” и не “Божественное Начало”. Говоря словами Паскаля, не “Бог философов и ученых” – не концепт, чье имя верховно лишь постольку, поскольку он локализуется на высшем уровне абстракции. Нет, заповедь может дать только личный Бог. Который не только имеет силу сказать о Себе из-за пределов времени и пространства: “Я”, – но еще и назвать Себя собеседнику: “Бог Твой”. В этом – вся суть Ветхого Завета: в неиссякающей способности изумляться, что Бог всего сущего, “Сотворивший небо и землю”, Демиург, видимый на отдаленнейших горизонтах мифологий и доктрин, оказался **таким** близким; что Он – мой Бог. Как сказано в зачине Псалма 62-го: “Боже! Ты Бог мой”»¹.

Знаменательно также, что в Первой Заповеди, являющейся важнейшим по смыслу прологом ко всему Декалогу, Господь не говорит о Себе как о Творце всего сущего, но напоминает о том, что сделал Он для каждого из тех, кто заключает с Ним Завет: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (*Исх.* 20:2). Это еще раз подчеркивает личный (или личностный) характер Заповедей: они обращены лично к каждому. Внешне кажется, что первые слова, произнесенные Господом, нельзя еще воспринимать как Заповедь, ибо по форме они представляют собой повествовательное предложение, в котором нет никакого повеления, никакого требования к человеку. Но иудейская традиция считает, что именно это и есть Первая Заповедь. По мысли Рамбама (Маймонида), она обязывает человека верить в существование и абсолютное всемогущество Всевышнего. Это и есть первая и

¹ Аверинцев, С. С. «Боже! Ты – Бог мой!» С. 14.

главная основа, на которой покоится истинная вера. Несмотря на то, что Первая Заповедь, кажется, говорит только о событиях, связанных с историей еврейского народа, с его Исходом из рабства Египетского, она, как считают еврейские комментаторы, является важной для всех народов, для всех людей, ибо каждый народ и каждый человек стремится к свободе. Так, Й. Герц пишет: «Несмотря на то, что эта заповедь обращена только к еврейскому народу, все народы мира обязаны извлечь из нее урок. Они должны осознать, что основное желание Всевышнего – дать человеку свободу и что любое порабощение человека человеком противоречит Его воле. В этом плане всю историю человечества можно рассматривать как постоянно нарастающее проявление воли Всевышнего, находящее все более полное выражение в обретении народами в целом и каждым человеком в частности свободы и независимости, основанных на справедливости и доброте»¹. К тому же, как уже отмечалось, освобождение из «дома рабства» с древнейших времен интерпретируется как процесс внешнего и внутреннего освобождения человека, который неустанно осуществляется в жизни каждого поколения, каждого народа, каждого человека – всех, ищущих подлинной свободы. «И к каждому из нас, а не только к древним израильтянам, – пишет Д. В. Щедровицкий, – относится пронзительный, грому и трубному звуку подобный, призыв Первой Заповеди: “...Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства...”»²

Вторая Заповедь властно требует от человека верности Единому Богу и предостерегает от идолопоклонства: «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим [сверх Меня, кроме Меня]. // Не делай себе идола [кумира]...» (Исх. 20:3–4). Эта Заповедь последовательно вытекает из первой: тот, кто принял всем сердцем Господа, не может поклоняться никаким другим богам, не может обожеств-

¹ Герц, Й. *Комментарий*. С. 391.

² Щедровицкий, Д. В. *Введение в Ветхий Завет*: в 8 т. Т. 1–3. Пятикнижие Моисеево. С. 399.

лять никакие другие силы, ибо они не имеют самостоятельного существования. Еврейский комментарий утверждает: «Ни к ангелам, ни к людям, объявленным святыми, нельзя относиться как к божествам. Запрещено обращаться к ним или к кому бы то ни было с молитвой. Эта Заповедь запрещает верить, что кто-то обладает самостоятельной, неподвластной Всевышнему силой, будь то элементы зримого мира или воображаемые злые духи, колдуны и т. п.»¹. Продолжение Второй Заповеди еще более отчетливо утверждает чистый монотеизм, напоминая об абсолютно нетварной, духовной природе Единого Бога, Который не может быть воплощен ни в чем телесно-материальном и Которого невозможно изобразить: «Не делай себе идола [кумира] и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. // Не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог-Ревнитель...» (Исх. 20:4–5). Заповедь запрещает изображать Бога и поклоняться изображению – как объемному (статуе – *пэсель*, что обычно переводится как «идол», «кумир»), так и плоскостному (*темуна* – «картина»). Нельзя обожествлять само небо и небесные тела («что на небе вверху»), никакие земные существа и вещи («что на земле внизу»), как и существа, живущие в воде (например, рыбы, в виде которых представляли также языческие боги, как обожествлялась и сама вода). Многие исследователи считали, что эта Заповедь – более позднего происхождения, нежели весь Декалог: ведь весь Древний мир представлял себе богов как имеющих какую-либо телесную форму – зооморфную, антропоморфную или сочетающую признаки того и другого. Но археологические раскопки в древней земле Палестины свидетельствуют: ни одного изображения Бога, наречшего Себя священным Тетраграмматом, найдено не было. Строгий запрет изображать Бога или человека был важен в языческом окружении, чтобы предохранить народ от соблазна идолопоклонства.

¹ Герц, Й. *Комментарий*. С. 392.

Библейское выражение «Не сотвори себе кумира» стало крылатым и приобрело расширенный смысл. Точнее, этот более широкий смысл уже содержится в словах Второй Заповеди: нельзя подменять Бога абсолютно никем и ничем, никакими очарованиями и искушениями нашего сердца и разума. О глубоко символическом смысле крылатых библейских слов очень хорошо сказал Д. В. Щедровицкий: «Такого рода “кумиром”, которому поклоняются, может стать, во-первых, нечто очень “ценное” и “высокое” – то, “что на небе вверху”. Им может оказаться философская теория, этическая система, те убеждения, которые человек ставит превыше всего. ...Во-вторых, “кумиром” может стать и нечто гораздо более низменное – то, “что на земле внизу”, например, успех самого человека, его слава или богатство. И, наконец, в-третьих, кумиром способно оказаться нечто совсем ничтожное – то, “что в воде ниже земли”. Даже, казалось бы, совершенно мерзостные вещи или деяния могут стать объектом поклонения и заслонить от человека Господа. Однако ведь все, что сотворил Господь, будь то на небе, на земле или “в воде ниже земли”, – все принадлежит Ему, живет только Его милостью, лишь Его духом поддерживается и существует. И поэтому поклонение творению вместо творца – великий грех»¹.

Бог, запрещая тем, кто заключает с Ним Союз верности и любви, говорит, что Он – Бог-Ревнитель (в оригинале – *Эль Кана*). Определение «Ревнитель» связано с тем, что Бог – Живая Личность, и это прежде всего проявляется в том, что Он неизменно ревностно заботится о человеке, требуя от него духовного совершенства, но также и в том, что Он ощущает потребность в любви и верности и взыскует их от человека, обещая ему Свою любовь и верность. Поэтому взволнованный призыв «Да не будет у тебя других богов, кроме Меня!» – это еще и пламенно-ревнивая просьба о любви. Бог страдает, когда видит недостаточность или отсутствие этой любви. Неслучайно в еврейской

¹ Щедровицкий, Д. В. *Введение в Ветхий Завет*: в 8 т. Т. 1–3. Пятикнижие Моисеево. С. 401–402.

комментаторской традиции Синайский Союз будет уподоблен брачному союзу, а сама Тора – обручальному кольцу, которое Бог надел на палец Невесты – Общины Израиля. Именно такую аллегорическую интерпретацию получит великая поэма о любви – Песнь Песней. В мистической ее интерпретации Господь выступает как Жених, возлюбленная Которого – душа человека. Эта интерпретация будет подхвачена христианской традицией, где Жених – Иисус Христос, Его Невеста – Церковь Христова и душа человека. Однако задолго до возникновения этих интерпретаций «письменные» пророки эксплицитно развернули метафору, имплицитно присутствующую в Декалоге, и первым это сделал пророк Осия, уподобивший идолопоклонничество прелюбодеянию и разврату, а подлинные отношения между Богом и общиной Израиля – самоотверженной и верной супружеской любви (*Ос. 2:4–22*). При этом, безусловно, речь по определению не может идти о сексуальном союзе божества с человеком, как это представлялось в языческих мифологиях; речь идет о глубинной духовной связи между Богом и верными ему людьми.

Именно великая любовь и ревность Бога к человеку становятся основой сурового наказания Им грешников, изменяющих Ему, престающих Заповеди Его: «...Бог-Ревнитель, Который карает за вину отцов детей до третьего и четвертого родов ненавидящих Меня...» (*Исх. 20:5*). Эти слова часто понимают ошибочно и упоминают в качестве доказательства «слишком суровой» и «недоброй» в отношении к человеку ветхозаветной морали, резко противопоставляя ей новозаветную мораль, основанную на любви. Кроме того, слова Второй Заповеди иногда приводят как доказательство «несправедливости» Бога, «карающего» невинных детей за вину родителей. Такое противопоставление и такое понимание являются грубыми и ошибочными. Во-первых, и в Новом Завете речь идет о суровом наказании грешников; во-вторых, Бог наказывает человека именно по праву любви, как родители наказывают ребенка, чтобы он был послушным и разумным, чтобы он вырос человеком. Речь, безусловно, не идет о жестоких физиче-

ских наказаниях, об издевательствах, о мести. Так и Бог не хочет ни мстить за измену Ему, за дурные поступки, ни издеваться над человеком. Наоборот, самому большому злодею Он дает возможность одуматься, измениться (как, например, в случае с египетским фараоном). Но если ничего не помогает, если человек остается слепым и глухим, любовь Божья может превратиться для него в «огонь пожирающий». Недаром, предостерегая свой народ от измены Богу, Моисей скажет: «...Господь, Бог твой, – огонь пожирающий Он, Бог-Ревнитель» (*Втор. 4:24*; в оригинале *эи охла* – «огонь пожирающий», «огонь поедающий»; в Синодальном переводе – «огнь поядающий»). Эти слова Моисея много столетий спустя повторит апостол Павел: «...будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, // Потому что Бог наш есть огонь поядающий» (*Евр. 12:28–29*; *СИ*). Еврейская традиция подчеркивает, что Бог всегда справедлив, более того – Он судит человека не столько по справедливости, сколько по милосердию, ибо учитывает и дурное влияние на человека среды, в которой он вырос. И, определяя вину человека, Бог принимает во внимание, насколько сознательно он делает зло или бессознательно воспринимает греховное поведение родителей и усваивает его как некую «норму». Последнее также чрезвычайно страшно: человек не может даже осмыслить грех отцов, греховность окружения и продолжает грешить. Безусловно, Господь карает не невинных, а продолжающих грешить, ненавидящих Его. Как считают еврейские мудрецы, только абсолютное отсутствие любви ко Всевышнему может стать причиной тяжких грехов, повторяющихся продолжающихся на протяжении многих поколений. В этом смысле отцы несут ответственность за своих детей, а дети – за отцов. Без этого человечество теряет совесть. Но если грешников Господь карает «до третьего и четвертого поколений», то Его безмерная милость и любовь в тысячу раз превосходят наказание и простираются на тысячи поколений. Человек должен выполнять повеления и установления Всевышнего именно из чувства благоговения и любви к Нему, а не из-за страха наказания.

Третья Заповедь призывает не произносить Имени Господа напрасно. В оригинале на месте последнего слова стоит *лашав* – «к пустому», «к ничтожному», «ко лжи», а само начало Заповеди можно перевести следующим образом: «Не прилагай Имени Господа, Бога твоего, к пустому [ничтожному, лжи]...» Это значит, что не только неприкосновенный Тетраграмматон, но и все именованья Всевышнего нельзя произносить в лживых клятвах (это особенно тяжкий грех), как нельзя употреблять нескладицы, в пустых и непристойных разговорах и просто в каждодневной суете. Хуление и оскорбление Имени Бога (независимо от того, на каком языке оно произносится) свидетельствует, что для человека нет ничего святого, поэтому это большой грех.

Со святостью Бога и данной Им человеку возможностью приближаться к святости связана и Четвертая Заповедь, заповедующая освящать Субботу, выделять ее из будней. Через каждые шесть дней он должен вспоминать ту великую гармонию, в которой пребывал первоначально мир, сотворенный Богом. Четвертая Заповедь повелевает не только отдыхать в Субботу, но и шесть дней работать, подчеркивая тем самым, что добросовестный труд – одна из основ жизни человека, ибо Всевышний, сделав человека соучастником творения, возложил на него обязанность поддерживать и преображать окружающий мир. Тора впервые акцентировала необходимость для человека как осмысленного труда, так и регулярного отдыха. Впервые именно в древнееврейской культуре появился фиксированный выходной день, повторяющийся через краткий промежуток времени. Только так человек не превратится во вьючное животное, замученное обществом и самим собой (впрочем, и животным, согласно Четвертой Заповеди, полагается отдых в Субботу). Но дело, разумеется, не только в том, что человек должен прервать свою обычную работу на седьмой день и целиком отдаться отдыху. На месте слова «работа», или «дело», в оригинале стоит *мелаха*, или *млаха*, что означает все разновидности физической работы. Это означает, что на седьмой день человек должен не просто ничего не делать, но обратиться к работе духовной, к

своей душе и к Богу, к глубокому постижению слова Божьего, запечатленного в Священном Писании. Только это не позволит человеку забыть о своей духовной свободе, вновь превратиться в невольника, каким он был в «доме рабства». Вот почему далее, в толковании пророка Моисея, в Книге Второзакония, Суббота обосновывается еще и необходимостью помнить о рабстве и относиться милосердно ко всем, кто так или иначе зависит от тебя, давать им также отдых и возможность духовного возрождения. Формулировка Четвертой Заповеди в обоих вариантах Декалога напоминает о том, что Суббота уничтожает всяческие границы между людьми и делает их хотя бы на время социально равными. Комментатор и мыслитель Б. Джейкоб писал: «Суббота является даром Всевышнего и самым удивительным аспектом религиозной жизни. Кажется, нет ничего более простого и естественного, чем выделить один из семи дней недели для отдыха от работы. Однако ни один правитель в мире не догадался ввести подобное постановление. Для греков и римлян еврейская Суббота служила предметом насмешек: они не в состоянии были понять, как устранение от действия может быть служением Богу. Но истинной причиной их неприятия Субботы было то, что день всеобщего покоя мгновенно стирает различие между высокомерными господами, гнушающимися труда, и рабами, не знающими отдыха»¹.

На Первой Скрижали, среди Заповедей, описывающих обязанности человека по отношению к Богу, находится и Пятая Заповедь, которая говорит о необходимости почитания родителей. Кажется, она касается уже второй части Декалога, определяющей обязанности человека по отношению к ближнему. Дело в том, что родители – не просто ближние (точнее, близкие), а те люди, через которых человек теснейшим образом связан с Богом: именно благодаря им человек получает жизнь, но получает его также и от Самого Бога, Который словно бы предназначает этих конкретных отца и мать стать Его соучастниками в сотворении

¹ Цит. по: Герц, Й. *Комментарий*. С. 395.

этого конкретного человека. Роль родителей, каковы бы они ни были, огромна в жизни каждого человека. И поэтому тот, кто не почитает своих родителей, оскорбляет их, неумолимо оскорбляет и Бога. Почитание родителей – это то, на чем держится связь поколений, то, без чего разрушается нормальный жизненный уклад. Обращает на себя внимание, что Пятая Заповедь говорит именно о почитании родителей, а не о любви к ним. Почему? Возможно, потому, что любовь – более интимное, внутреннее чувство. Невозможно повелеть любить, а Десять Заповедей представляют собой именно повеления Бога (при этом предполагается, что человек все равно должен принять их по своей доброй воле). Вот почему слова «любовь» вообще нет в Декалоге, хотя вообще в Торе это важнейшее понятие, определяющее отношения между Богом и человеком, человеком и другими людьми.

Безусловно, в идеальном варианте почитание родителей должно основываться на настоящей взаимной любви отцов и детей. Это вариант, который гарантирует каждой семье и всему обществу особую стабильность. Однако жизнь – вещь очень сложная, и бывают случаи, когда между родителями и детьми возникают острые противоречия. В целом конфликт поколений в той или иной форме существует всегда; как свидетельствуют уже самые древние письменные культуры, начиная с шумерской, коллизии «отцы и дети» можно считать одним из архетипов, который, трансформируясь, проходит через все семантическое поле культуры. Временами этот конфликт принимает болезненные формы бунта детей против отцов, вражды между ними – как на уровне мифологического мышления (сюжеты об узурпации власти богами-сыновьями у богов-отцов, сражений между поколениями богов – например, в аккадской, хетто-хурритской, греческой мифологиях), так и в реальной истории (коллизии Ивана Грозного и его сына, Петра I и царевича Алексея и т. д.; конфликт поколений, раздувавшийся средствами советской идеологии в годы Гражданской войны и сталинского культа и т. д.). Однако Тора, которая чаще всего разрушает привычные архетипы,

несущие в себе указание на иррациональную вражду и агрессию, акцентирует необходимость такого строя жизни, когда дети будут почитать отцов, вообще – младшее поколение почитать старшее независимо от различий в мировоззрении. К тому же, Тора полагает, что только так и сохраняется целостность мировидения, только так не возникает болезненный духовный разрыв между поколениями. Не закрывая глаза на жизненные противоречия, мудрецы Торы не единожды объясняли, что соблюдать Заповедь о почитании родителей подчас очень нелегко – тогда, когда родители сами нарушают данные Богом Заповеди. Но и в таком случае человек должен приложить максимум усилий, чтобы вернуть родителей к Богу, а если этого не произошло – все равно заботиться об их здоровье и спокойной старости. Неслучайно именно эту заповедь Талмуд называет Заповедью, не имеющей границ. Действительно, только исполняя ее, человек может хоть частично вернуть долг тем, кому он обязан жизнью. Кроме того, частично этот долг возвращается и через родительскую заботу о собственных детях. В этом смысле нормальным является только то общество, в котором родители никогда не отказываются от детей, а дети – от родителей, в котором нет потребности в детских домах и домах для престарелых.

Остальные пять Заповедей, высеченных на Второй Скрижали, сформулированы очень лаконично, без всяких толкований, ибо говорят они об основополагающих вещах, без которых разрушается нормальный жизненный уклад и которые вытекают из всего человеческого опыта (*Исх. 20:13–17*). Это энергичные императивы, призывающие не преступать запреты Божьи, ибо, нарушая их, человек утрачивает достоинство человека. В оригинале это очень сжатые глаголы в повелительном наклонении: *Ло тирцах* («Не убивай»); *Ло тигнов* («Не кради»); *Ло таанэ...* («Не отзывайся...», «Не произноси...»); *Ло тахмад...* («Не желай...»). Как поясняет традиционный еврейский комментарий, все эти заповеди вытекают из общего великого принципа, сформулированного в Книге Левит: «...люби ближнего твоего, как самого себя» (*Лев. 19:18*).

Шестая Заповедь запрещает убийство и тем самым провозглашает человеческую жизнь величайшей ценностью в глазах Бога и человека. Эта Заповедь имеет в виду и самоубийство. Она напоминает: жизнь дается человеку только Богом, и только Бог может ее забрать. Более того: человек сотворен по образу и подобию Божьему, каждый человек носит в себе образ Божий; поэтому посягательство на жизнь человека – это такой страшный грех, что рядом с ним можно поставить только посягательство на Самого Бога, измену Ему. Вот почему есть определенная соотнесенность между Первой Заповедью, утверждающей, что только Господь и есть подлинный Бог, и Шестой (первой на Второй Скрижали): тот, кто навсегда принял в сердце Единого Бога, почитает Его образ в другом человеке и никогда не посягнет на жизнь последнего. Убийство является одним из смертных грехов (согласно еврейской традиции, их три, согласно христианской – семь), т. е. самых страшных грехов, карающихся смертной казнью или карой Божьей (в иудаизме – *карет*). Под убийством имеется в виду прежде всего сознательное, намеренное отнятие жизни у другого человека, не угрожающего жизни самого убийцы или другого человека (это значит, что необходимая самооборона, как и защита жизни другого человека, не квалифицируются как убийство). При этом не может быть оправдано и убийство по приказу, даже под угрозой для собственной жизни. В таком случае настоящий человек должен предпочесть собственную смерть убийству невинного человека. Не квалифицируется как убийство и смертный приговор, вынесенный преступнику (прежде всего убийце) человеческим судом. Однако система законов, представленная в Торе и дополненная в Талмуде, практически целиком исключает смертный приговор для невинного человека (к тому же, следует повторить, он может быть вынесен только за преднамеренное убийство). Жизнь – слишком большая ценность, чтобы ее можно было поставить под угрозу.

Седьмая Заповедь – «Не прелюбодействуй» – акцентирует святость брачного союза, установленного Богом, за-

прещает измену в браке – со стороны как мужчины, так и женщины – и соблазнение чужой жены или насилие над ней. Как прелюбоддеяние в Торе прежде всего квалифицируется взаимно-добровольная связь мужчины с замужней женщиной или обрученной девушкой (*Лев. 20:10; Втор. 22:23–27*). Седьмая Заповедь недаром идет сразу за Заповедью «Не убивай»: тем самым святость брака приравнивается к святости человеческой жизни. Такое отношение к браку нигде больше не отмечено в культурах Древности (при том, что женщины карались смертью за прелюбоддеяние; Тора же и здесь утверждает равную ответственность мужчины и женщины друг перед другом и перед Богом). Седьмая Заповедь неслучайно соответствует Второй – Заповеди, запрещающей идолопоклонство. В мире монотеизма, где человек избрал служение Единому Богу, его сердце должно принадлежать одной женщине или одному мужчине. Душа человека, поклоняющегося другим богам (идолам), словно бы «прелюбоддействует» с ними, изменяя Единственному Возлюбленному – Богу. Именно поэтому две Заповеди оказываются рядом на двух Скрижалях: «Не сотвори себе кумира» и «Не прелюбоддействуй».

Восьмая Заповедь призывает: «Не кради». Она, кажется, понятна без всяких пояснений. Тем не менее классический комментарий объясняет, что эта Заповедь имеет в виду, кроме обычной кражи, кражу человека с целью его угнетения или продажи в рабство (к сожалению, это довольно частая практика даже в нынешнее время). Поэтому эта Заповедь, как полагают еврейские мудрецы, защищает святость человеческой свободы. Объяснения требует ее параллельность Третьей Заповеди, запрещающей произносить имя Господа напрасно, прилагать его к пустому, ко лжи. Кажется, наилучшим образом это объяснил Д. В. Щедровицкий: «На уровне чисто земном тот, кто клянется именем Божьим во лжи, делает это чаще всего для того, чтобы присвоить чужую собственность. ...Тот, кто произносит имя Божье напрасно, как бы совершает “кражу” на самом высшем духовном уровне: он как бы “низводит имя Божье с высоты”, прилагая его к чему-то недостойному. Он ложь

подтверждает высшей правдой – самим именем Божьим, иначе говоря “крадет”. И Тора говорит, что “...Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно”. Это наказание осуществляется прежде всего самим же человеком, нарушающим Заповедь: он оскверняется, делается недостойным, лишается наивысшего – своей связи с Создателем»¹. В связи с этим экзегет напоминает знаменитое изречение Иисуса Христа, целиком вытекающее из глубинного смысла Торы, и прежде всего из Десяти Заповедей: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (*Мк. 8:36; СП*)².

Девятая Заповедь запрещает ложное свидетельство в суде, а также распространять всяческие сплетни и клевету. Сами по себе эти сплетни и клеветы не подлежат суду с точки зрения древнего законодательства Торы. Однако ложное свидетельство в суде может стать страшным преступлением, если на его основе человек будет приговорен к смертной казни. Вот почему еврейское религиозное законодательство запрещает опираться на свидетельство только одного человека, если речь идет о вынесении смертного приговора. Девятая Заповедь соотносится на Скрижалях с Четвертой, связанной с освящением Субботы, ибо последнее – правдивое свидетельство человека о Боге, а нарушение или отрицание законов Субботы – ложное о Нем свидетельство.

Десятая Заповедь, запрещающая желание всего чужого, зависть к ближнему и всему, что у него есть, выделяется на фоне остальных тем, что касается не столько сферы поступков и слов человека, сколько его эмоций и невысказанных желаний. Заповедь констатирует, что черная зависть является настоящей причиной всех злодеяний, о которых предупреждают предыдущие Заповеди. Десятой Заповедью Бог говорит человеку, что он волен контролировать не только свои действия, но и свои желания, не допускать во-

¹ Щедровицкий, Д. В. *Введение в Ветхий Завет*: в 8 т. Т. 1–3. Пятикнижие Моисеево. С. 404.

² Там же.

зобладания над собой низких желаний. Эта Заповедь настойчиво напоминает, что именно с недобрых мыслей и желаний начинается нарушение каждой из Десяти Заповедей. В этом смысле и Иисус Христос в Нагорной проповеди говорит о необходимости искоренения из сознания и души человека низких желаний, например: «Вы слышали, что сказано древним: “не прелюбодействуй”. // А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (*Мф.* 5:27–28; ср. также *Мф.* 5:21–22). Десятая Заповедь соотносится на Скрижалях с Пятой – о почитании родителей. Возможно, имеется в виду то, что в семье, где дети почитают родителей, никогда не возникнет желание присвоить чужое.

Десять Заповедей поражают чрезвычайной простотой своих формулировок, доступных для понимания каждого. Кажется даже, что они всегда существовали, что они сами собой разумеются. «Какие простые на первый взгляд слова! – пишет А. Мень. – Но если нам они кажутся чем-то само собой разумеющимся, то для древнего мира они звучали небывалым откровением. Достаточно вспомнить, какие отношения между человеком и Божеством царили в Египте, Вавилоне, Греции, чтобы понять, насколько необыкновенными должны были представляться современникам священные законы, начертанные на скрижалях. Эти два невзрачных, грубо отесанных камня имели неизмеримо большее значение для духовной истории человечества, чем тысячи искусно украшенных ассирийских и египетских памятников»¹.

Было бы не совсем справедливо утверждать, что язычники совсем не открывали этических законов, не применяли их в жизни, не осознавали их важности. Однако в древних языческих законодательствах и религиозных текстах этические установления не выделены как самые главные, освященные божественным авторитетом. Так, стало уже общим местом сравнение Декалога и оправдательных ре-

¹ Мень, А. *История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни*: в 7 т. Т. 2. *Магизм и Единобожие*. С. 227.

чей, произносимых человеком, согласно египетской «Книге мертвых», на загробном суде Осириса, – как якобы доказательство, что Десять Заповедей не являются чем-то исключительным. Однако показательно, что среди более сорока египетских «оправдательных слов» этические по характеру перемешаны с культовыми, и нет никакой уверенности в том, что именно первые имели решающее значение при вынесении Осирисом приговора.

Гениальное открытие Торы в том и состоит, что на Скрижали вынесены именно Заповеди этического характера. Показательно, что ни одна из них не говорит о внешней, обрядовой стороне служения Богу, но относится к сущности истинного служения Богу, требующему от человека духовного совершенства, моральной чистоты и ответственности за себя и других. То, что именно эти Десять, а не все заповеди (*мицвот*) Торы, которых с Десятью насчитывается 613, произнесены Богом вслух для всего народа и высечены на Скрижалях, подчеркивают, что на них базируются все остальные. Впервые именно в Торе исполнение нравственного закона осознается как нечто гораздо более важное, чем соблюдение культовых предписаний. Именно поэтому учение Моисея, наиболее концентрированно представленное в Десяти Заповедях, справедливо может быть названо **этическим монотеизмом**. Сущность этого этического монотеизма предельно сжата и сконцентрирована также в знаменитой молитве *Шма Йисраэль* («Слушай, Израиль...»), или просто *Шма*, которой Моисей учит свой народ и которая стала символом веры для народа Израиля: «Слушай, Израиль: // Господь, Бог наш, Господь один есть. // И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими» (*Втор. 6:4–5; СЛ*). Эти простые и одновременно исполненные большой эмоциональной силы, сердечного жара слова красноречиво свидетельствуют: одно из важнейших условий Союза между Богом и народом Израиля – искренняя и самоотверженная любовь ко Всевышнему, на которую Он отвечает всей силой Своей любви – любви строгой и требовательной (точнее, с этой любовью Он обращается к людям и ждет их

ответа). В этой системе координат для Бога небезразлично и отношение человека к другому человеку; более того, истинная любовь человека к людям – еще одним важнейшим условием Завета: «...люби ближнего твоего, как самого себя» (*Лев. 19:18*). В сущности, именно этими двумя великими Заповедями – искренне любить Бога и любить ближнего (под последним понимается любой человек) – соответственно описывается содержание Заповедей на двух Скрижалях.

Показательно, что именно эти две Заповеди вспоминает Иисус Христос в ответе на вопрос одного из книжников (т. е. толкователей Торы, законоучителей, принадлежавших к движению *перушим* – фарисеев), какая из всех заповедей Торы является важнейшей: «Один из книжников... подошел и спросил Его: какая первая из всех заповедей? // Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: “слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; // И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею”: вот, первая заповедь! // Вторая подобная ей: “возлюби ближнего твоего, как самого себя”; иной большей сих заповеди нет. // Книжник сказал Ему: хорошо, Учитель! истину сказал Ты, что один есть Бог и нет иного, кроме Его; // И любить Его всем сердцем, и всем умом, и всею душою, и всею крепостию, и любить ближнего, как самого себя, есть больше всех всесожжений и жертв. // Иисус, видя, что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия» (*Мк. 12:28–34; СП*). Этот знаменитый эпизод фигурирует во всех синоптических Евангелиях (*Мф. 22:40*). Согласно Евангелию от Матфея, Иисус говорит: «На сих двух заповедях утверждается весь Закон и Пророки» (*Мф. 22:40; СП*). Важно отметить, что под Законом и Пророками (слова, пишущиеся в Синодальном переводе со строчной буквы, что неверно) имеются в виду Тора и Пророки как две уже канонизированные к этому времени части Танаха. В греческом тексте Евангелия на месте глагола «утверждается» стоит *κρεμαται* – «висеть». Это означает, что двумя Заповедями, которые цитирует Иисус, Закон и Пророки

держатся не снизу, а сверху, силою Небес, силою Божьей. Толкование Иисуса, как и совпадение этого толкования с тем, какое дал книжник-фарисей и какое всегда давала и дает еврейская традиция, свидетельствует также и о том, что не существует никакого глубинного расхождения между еврейской и раннехристианской традициями в понимании этической сути Писания. Не случайно фарисейский законоучитель, рабби Гиллель, старший современник Йешуа га-Ноцри (Иисуса из Назарета), великого еврейского проповедника из Галилеи, так сформулирует суть Торы в своем «золотом правиле» (ответе на вопрос одного из язычников, сможет ли мудрец сформулировать суть Торы, пока тот стоит на одной ноге): «Не поступай с другими так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой. В этом суть Торы. Все остальное – толкования» (*Шаббат 31a*). Сравним высказывание Иисуса в Нагорной проповеди: «...во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом Закон и Пророки» (*Мф. 7:12; СП*).

Таким образом, человек только тогда верен Богу и угоден Ему, когда любит всем сердцем Его и людей, когда творит добрые дела. Бесполезно пытаться обрести милость Бога только ценой жертв и обрядов. Об этом, развивая дальше этическое учение Моисея, будут писать пророки. А первый великий пророк неустанно напоминал своему народу: «Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его, и служил Господу, Богу твоему, от всего сердца и от всей души твоей...» (*Втор. 10:12–13; СП*).

Страх Господень, о котором говорит Тора, не имеет ничего общего с вульгарным физическим страхом, да и само слово «страх» уместнее перевести в библейском контексте как «трепет» – трепет от сознания постоянного присутствия Бога в жизни человека. Но чтобы этот трепет не угасал в душах людей, чтобы Заповеди, начертанные на Скрижалях, стали законом их жизни, нужно было время, нужны были титанические усилия духа. Вот почему одного

дарования Торы было мало – понадобились еще сорок лет блуждания в пустыне, пока не станет явью новое сознание.

Обращает на себя внимание аподиктическая форма введения Десяти Заповедей – по принципу «делай» – «не делай», который исключает любое условие, вступительное «Если...», свойственное древним кодексам законов (например, кодексу Хаммурапи), как и многочисленным другим законам Торы, вытекающим из Десяти Заповедей на Скрижалях. Но эти Десять не терпят никаких условий: это категорические императивы Бога, которые безусловно и неуклонно необходимо выполнять тем, кто хочет быть верен Завету. Для Скрижалей отобраны такие Заповеди, применительно к которым любое «если» будет звучать издевательски. С. С. Аверинцев отмечает, что в Декалоге мы сразу ощущаем «единственный в своем роде тон... – тон безоговорочности»¹. И далее: «Обычный тип древнего законодательства (Кодекс Хаммурапи, хеттские законы и т. п.) исходит из правовых “казусов” и оформляется по парадигме – “если кто-либо... то... но если... то...”. Здесь нет места ни для каких “если” и ни для каких “но”. Обусловленность сменилась безусловностью»². В Десяти Заповедях перед нами предстают не юридические законы в строгом смысле слова (последние как раз невозможны без конкретных казусов, без «если»), но именно великие духовно-нравственные императивы, которые Бог властно обращает к Своему народу и к любому, кто хочет войти в «сообщество Господне». М. Вайнфельд подчеркивает, что «в противоположность казуистическому стилю, характерному для законов Древнего Востока, а также для современного права, аподиктическая форма выражения в варианте “делай” – “не делай” не свойственна области права. Сегодня ясно, что ее источник – в ритуале заключения союза между царем и подданными и наложения обязанностей на подданных. Десять Заповедей воспринимались как повеления ца-

¹ Аверинцев, С. С. *Древнееврейская литература* / С. С. Аверинцев // *История всемирной литературы*: в 9 т. М., 1983. Т. 1. С. 282.

² Там же.

ря, лично являющегося перед подданными и налагающего на них обязанности»¹. Следует заметить только, что при всех типологических схождениях с другими культурами древнееврейская имеет в виду особого Царя – Владыку вселенной, а обязанности не просто возлагаются Им на верных Ему людей, но и добровольно принимаются ими. Показательно, что за Десятью Заповедями закрепилось название не законов в обычном смысле этого слова, но особенных Слов (Речений) Божьих, несущих в себе не только и не столько закон, сколько великое непосредственное Откровение Божье.

Интересно также, что большинство Заповедей в Декалоге сформулированы в негативной форме (через отрицание – через *не*) и только две – об освящении Субботы и почитании родителей – в позитивной (но и они по сути своей содержат в себе запрет делать противоположное). Возможно, через это форму выявляются особенности восточного, и в частности еврейского, мышления (ср. формулировку «золотого правила» Гиллеля в негативной форме и сходную мысль в устах Иисуса, сохраненную греческим текстом в позитивной форме, как и «категорический императив» И. Канта). Во всяком случае, негативную форму в Десяти Заповедях нельзя трактовать как указание на то, что все, не запрещенное законом, разрешено, ибо в остальных законах Торы будет еще множество запретов, сформулированных уже в форме юридических законов. Вероятно, дело в том, что главная цель Десяти Заповедей – быть основополагающими принципами, определяющими, чего должен прежде всего избегать человек, что иметь право войти в сакральную общину народа Божьего.

Как свидетельствует Талмуд, точнее, его древнейшая часть – Мишна, записанная на иврите в конце II в., уже в эпоху Второго Храма Десять Заповедей прочно связались в еврейском сознании с молитвой *Шма Йисраэль* и, представляя собой символ веры, ежедневно звучали в Иеруса-

¹ Вайнфельд, М. *Уникальность Декалога и его место в еврейской традиции*. С. 347.

лимском Храме во время утренней молитвы (*Тамид 5:1*). В послехрамовой иудейской литургии, как в древности, так и сейчас, Десять Заповедей читаются вслух перед всей религиозной общиной трижды в год: в две Субботы, на которые приходится чтение соответствующих недельных глав из книг *Шемот* и *Деварим*, а также в праздник Шавуот. Десять Заповедей верующие всегда слушают стоя, как некогда народ Израиля слушал их, стоя у подножья Синая. И хотя Галаха не отделяет соблюдение Десяти Заповедей от соблюдения остальных заповедей Торы, показательно, что общее их количество вместе с Десятью – 613, и сумма цифр в этом числе неслучайно составляет 10, имплицитно указывая на то, что без исполнения Десяти все остальные теряют смысл. Агада, еврейская литургическая поэзия и религиозная философия отразили тот пиетет, который всегда вызывали в иудейском сознании Десять Заповедей. Мысль о том, что они представляют собой всеобъемлющее учение, из которого вытекают все остальные заповеди, впервые развернуто изложил Филон Александрийский в трактате «О Декалоге». Именно в соответствии с Десятью Заповедями он классифицирует все законы Пятикнижия. Во II в. эту же мысль сформулировал рабби Йеѓошуа бен Хананья: «Все тонкости и детали Торы были записаны [на Скрижалях] между Заповедями»¹. В X в. выдающийся еврейский мыслитель и экзегет Саадия Гаон написал пиют² для литургии праздника Шавуот под названием *Анохи эш охла* («Я – огонь пожирающий»), в котором все 613 *мицвот* Торы свел к Десяти Заповедям.

Десять Заповедей занимают особое место и в христианской традиции, что отмечено уже в Новом Завете. Недаром некоему юноше, обратившемуся к Иисусу с мучаю-

¹ Цит. по: Десять Заповедей // *Краткая Еврейская Энциклопедия*: в 11 т. / гл. ред. И. Орен (Надель), М. Занд. Иерусалим, 1976–2001. Т. 2. Кол. 341.

² *Пиют* – поэтическое произведение, предназначенное для украшения канонической литургии к тому или иному празднику в еврейской традиции; слово происходит от того же греческого корня, что и слово «поэт».

щим его вопросом: «Учитель Благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» – великий Учитель ответил: «Если... хочешь войти в жизнь *вечную*, соблюди заповеди» (*Мф. 19:16–17; СП*). На новый вопрос юноши, какие заповеди нужно исполнять прежде всего, Иисус ответил: «...не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лже-свидетельствуй; // Почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя» (*Мф. 19:18–19; СП*). Первые Отцы Церкви полагали, что Десять Заповедей являются изначальными заповедями, известными человечеству еще до Синайского Откровения. Фома Аквинский (Томас Аквинат) и Бонавентура утверждали, что Десять Заповедей – органичная часть естественного строя жизни, установленного Богом, что они даны людям для того, чтобы последние вспомнили забытое ими из-за первородного греха. Однако только с XIII в. Декалог занял центральное место среди христианских догматов. Тридентский Собор (1545–1563) принял постановление отлучать от Церкви тех, кто утверждает, что исполнение Десяти Заповедей необязательно для христиан. Особенно подчеркивали роль Десяти Заповедей как основы христианской нравственности основоположники протестантизма М. Лютер и Ж. Кальвин.

Десять Заповедей оказали мощное влияние на мировую культуру, на мышление и нравственные представления и принципы огромной части человечества. До сих пор они остаются беспрецедентным по лаконизму и уникальности кодексом вечных и бесспорных нравственно-религиозных принципов, являющихся основой монотеизма и общечеловеческой этики, богословских и философских концепций трансцендентной природы Бога, идей равенства и ответственности людей перед Богом и законом. «Десять Заповедей, – писал Э. Ренан, – это наследие всех народов мира, и они навеки останутся Заветом Божьим». Однако еще ранее еврейские мудрецы говорили об универсальной значимости Десяти Заповедей, поясняя, что они не случайно были возвещены Всевышним именно в пустыне – чтобы подчеркнуть, что так же, как пустыня не принадлежит никому, так и великие Десять Речений, прозвучавших с Синая, не

могут быть ничьей собственностью, они принадлежат всему человечеству. В конце концов все народы придут к выводу, что эти Заповеди нужно принять как величайшие истины и добровольно подчиниться им. Однако в тот момент, когда они были дарованы, только народ Израиля был внутренне подготовлен к их восприятию и исполнению. Настанет тот день, полагает еврейская традиция, когда, осознав всеобъемлющий характер Десяти Заповедей, все народы придут к народу Израиля за их толкованием. Рабби Й. Герц пишет: «Ни один письменный текст, когда-либо нанесенный на камень, глину, пергамент или бумагу, не оказал на человечество большего влияния, чем Десять Заповедей. ...Их можно назвать декларацией обязанностей, которые Бог возложил на человека. Этот короткий текст, состоящий всего лишь из ста двадцати ивритских слов, охватывает все области закона, устанавливая не только правила поведения, но и определяя внутренний, духовный мир человека. Для изложения Десяти Заповедей выбрана такая форма построения предложений и выражений, что каждое слово, будучи однажды услышанным или прочитанным, навсегда врезается в память. Этот текст определяет как законы служения Всевышнему, так и понятия праведности и правосудия, которые актуальны для всех времен и никогда не устаревают»¹.

...А в тот незабываемый и неповторимый момент, во время Синайского Откровения, народ, ошеломленный, охваченный необычайным чувством, в котором душевный трепет смешивался со священным ужасом, слушал величественные Слова Божьи и одновременно видел нечто невероятное: «...громы [звуки, голоса] и пламя, и звук шофара, и гору, которая дымилась» (*Исх. 20:15*). Текст подчеркивает, что весь народ находился в состоянии своего рода мистического озарения, ибо видел то, что обычно невозможно видеть: громы, звук шофара. Все нематериальное становится видимым; видимое же, материальное словно утрачивает свою вещественность, свои точные очертания – как

¹ Герц, Й. *Комментарий*. С. 550.

каменная гора, превращающаяся в сплошной столп огня. Интересно, что в оригинале выражение «видел [народ] грома» звучит как *роим эт-ѓа-колот* – «видел голоса [звуки]» (точнее, «видят голоса»). Древние Мидраши, Таргумы (арамейские переводы Танаха), а также Филон Александрийский поясняют, что эти «голоса и пламя» – описание самих Слов Всевышнего, которые не только слышал, но и видел народ. Согласно Филону, язык пламени превращался в ясную речь, понятную слушателям (*О Декалоге 46*). Рабби Акива объяснял выражение «видят голоса» следующим образом: «...видят огненное слово, исходящее из уст Всемогущего и высекаемое на Скрижалях, как сказано: “Голос Господа высекает пламя огня” (*Мехильта де-рабби Йишмаэль, Ба-Ходеш 9*)»¹. Такое толкование основано также на стихе из Книги Второзакония: «...от правой руки Его пламя Закона для них» (*Втор. 33:2*; Синодальный перевод: «...одесную Его огонь закона»).

Все, что происходит, невероятно волнует и одновременно пугает людей, заставляет не только трепетать душевно, но и содрогаться физически. Их словно бы пронизывают высокие токи энергии, исходящей от Слов Божьих, и как сотрясается в этот момент сама гора Синай, так и люди содрогнулись, пошатнулись и отошли от нее чуть подальше: «...и содрогнулись [зашатались], и стали вдали» (*Исх. 20:18*). (Как толкует традиционный комментарий, именно поэтому у евреев принято покачиваться во время молитвы – в вечное напоминание о том, что было пережито у подножья Синая.) Голос Божий почти невыносим для обычных людей, он внушает им священный ужас, и они просят Моисея: «...говори ты с нами, и мы будем слушать, и пусть не говорит с нами Бог, а то умрем» (*Исх. 20:19*). Пророк успокаивает народ и объясняет, что Откровение Божье не может нести смерть, что Бог испытывает их, чтобы в их душах навсегда был страх Божий: «...не бойтесь, ибо для того, чтобы испытать вас, пришел Бог, и чтобы

¹ Цит. по: Вайнфельд, М. *Уникальность Декалога и его место в еврейской традиции*. С. 373.

страх Его был перед лицом вашим [на лицах ваших], чтобы вы не согрешили» (*Исх. 20:20*). «Страх Божий» – чрезвычайно важное понятие в Библии. Как понятно уже из объяснения Моисея в Торе, этот страх не равен обычному страху; он означает состояние глубочайшего духовного почтения и душевного трепета перед Богом; он освобождает от вульгарного животного страха и является условием праведной жизни. В Книге Притчей Соломоновых сказано: «Начало мудрости – страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление» (*Прит. 1:7; СП*); «Страх Господень *ведет* к жизни, и *кто имеет его*, всегда будет доволен, и зло не постигнет его» (*Прит. 19:23; СП*). Безусловно, страх Божий переживает не грешник (иначе бы он не грешил), а тот, кто стремится к праведности, ибо именно такой человек обостренно ощущает присутствие Бога в своей жизни.

Чтобы высокий трепет перед Господом не покидал души людей, им придется еще многое пережить, равно как потребуются чрезвычайно много усилий для этого от пророка Моисея. Понадобятся сорок лет блуждания в пустыне, чтобы заповеди Божьи стали внутренним законом человеческих душ. И эти сорок лет, вошедших в поговорку, стали вечной парадигмой наших блужданий в пустыне духовной нищеты, нашего пути к истинной свободе – к той «трудной свободе» (Э. Левинас), законы которой навечно выбиты на Скрижалях.